

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ФАСЦИНАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(на примере произведения из древнекитайской «Книги песен» «Шицзин»)

Истинное слово – это слово, переживаемое как процесс и в предельной конкретности своей откликающееся всей бездной мироздания, высвобождающее силу бытия, которую вещи несут в себе.

В. В. Малявин

В последние десятилетия использование термина *фасцинация* набирает популярность в работах исследователей различных сфер научного знания. И это не удивительно. Учитывая тот факт, что само понятие «фасцинация» происходит от лат. *fascinatio* ‘завораживание, зачаровывание’, в свою очередь образованного от лат. *fascinare* ‘околдовывать’ (Е. В. Романовская 2019), абсолютно закономерным становится его использование в работах, посвященных исследованиям в области психологии, педагогики, лингвистики, языка СМИ, литературы и др.

Впервые понятие фасцинации было озвучено в 1961 году Ю. В. Кнорозовым во время представления доклада «Об изучении фасцинации» в рамках научного совещания, посвященного применению математических методов при изучении языка художественных произведений. Автор доклада «рассмотрел возможности преодоления антирезонансной защиты и проследил основные этапы исторического развития фасцинации, обращаясь к примерам инструментальной музыки, пения и поэзии в первобытном синкре-

тизме. Особое внимание он уделит семантической фасцинации, полагая, что неясность и многозначность описания действует как сильное фасцинирующее средство» (Ю. В. Кнорозов 2018). Критерием отнесения сигнализации к фасцинирующей является «желание адресата получить дважды и более уже принятое сообщение (например, прослушать второй раз уже известную песню)» (Ю. В. Кнорозов 2018).

Изучению фасцинации посвящены работы В. М. Соковнина, Е. В. Омельченко, Е. В. Романовской, А. Ш. Сафаргалиной, М. А. Стрельцовой, А. Г. Пастухова и др.

Семантической фасцинации В. М. Соковнин отводит целую главу, отдельно выделяя фасцинацию метафоры. Автор отмечает, что метафора – это самый распространенный вид семантической фасцинации, это «яркое, образное иносказание, включающее многосмысленность и пробуждающее ассоциации. Секрет фасцинативности метафоры <...> состоит в её дешифровке, причем дешифровку должен осуществить исключительно сам адресат, но никак не автор-адресант <...>. Фасцинация как раз и заключается в неопределенности, расплывчатости смысла иносказания, которые и возбуждают мозг слушателя/читателя/зрителя на срочную активную дешифровку» (В. М. Соковин 2005).

Китайская древняя поэзия, несмотря на строгость форм, обладает внушительным арсеналом выразительных средств, а сочетание номинативных единиц и их комбинаторика на различных уровнях создают абсолютно уникальное семиотическое пространство, «пребывание» в котором оказывает на читателя/слушателя сильнейше фасцинационное воздействие.

В качестве примера рассмотрим метафорическое употребление номинативных единиц в песне 《桃夭》 *táo yāo* «Песнь о невесте» («Персик прекрасен и нежен весной...») (Шицзин). По мнению известного современного исследователя «Книги песен» профессора Ли Шань, эта песня исполнялась в качестве пожелания молодой девушке-невесте счастья в супружеской жизни. В таблице представлен оригинал песни, подстрочный перевод. Поэтический перевод данного произведения осуществили А. А. Штукин и В. П. Абраменко.

Оригинал песни 《桃夭》 («Песнь о невесте»), подстрочный перевод.

桃之夭夭，灼灼其华。

Пышно цветет персик, многочисленны и ярки его цветы

之子于归，宜其室家。

Эта девушка возвращается в дом [выходит замуж], благополучие [ждет] супругов/ их род

桃之夭夭，有蕢其实。

Пышно цветет персик, многочисленны спелые его плоды

之子于归，宜其家室。

Эта девушка возвращается в дом [выходит замуж], благополучие [ждет] супругов / их род

桃之夭夭，其叶蓁蓁。

Пышно цветет персик, густа его листва

之子于归，宜其家人。

Эта девушка возвращается в дом [выходит замуж], благополучие [ждет] супругов / их род

Отдельно необходимо остановиться на иероглифе 𠄎 *gui* «возвращаться». В этой песне он употребляется в значении, используемом в доциньскую эпоху, «выходить замуж», так как согласно древнекитайской модели мира семья, в которой девушка родилась, – временная, выходя замуж, она возвращается в уготованную ей судьбой «настоящую» семью – семью мужа.

Центральными для этой песни являются образы девушки и персикового дерева, ярко и живо дополняющие и отражающие характерные черты друг друга. Оба образа динамичны: на протяжении всей песни, несмотря на то, что «видимые» изменения происходят только с деревом (сначала распускаются прекрасные цветы, затем созревают плоды, после остается густая листва), они же метафорически проецируются в пожелание невесте благополучной и счастливой семейной жизни (цветы – жизненная энергия, красота и молодость невесты; множество цветов предзнаменует обилие плодов – пожелание здорового и крепкого потомства; густая листва – дружная, сплоченная семья). Помимо прочего, этот пример – выразительная иллюстрация тесной взаимосвязи человека и Природы, присущей китайской модели мира.

В «Книге песен» отсутствуют философские размышления и поучительные наставления, поэтому связь с читателем устанавливается не через разум, а через символику и образность, что позволяет нам «почувствовать» древнекитайское восприятие мира. Это мудрость, передающаяся от сердца к сердцу, это те образы, которые хранятся в наследственной памяти китайцев. На наш взгляд, для китаеведов лучший способ прочувствовать китайскую модель мира – декодировать фасцинационно заряженный семантический код, выраженный в оптическом образе уникальной китайской иероглифической письменности.